

Сергей Магид

СТИХИ НОЯБРЯ '83 - АПРЕЛЯ '84

ИЗ ЦИЦИА: Вариации на тему: ниже уровня воздуха.

холмы обездолены
их не видят
не делятся в долинах
у их подножий
не дают им доли в судьбе
речь мигает их склоны
виноград остается метафорой
пещеры пусты
их покинуло воображение

люди ушли на плоскость

пружин-языка провисли
покрылись ржавчиной
глаголы вынали
суффиксы ...
стали уродами
первым
сгнуло слово свобода
потом слово земля
дольше всего
держались за слово вера,
но вслед за ним и последним
рухнуло слово мы

.. ХОЛМЫ

обездолены
лишены горизонта
протяженности
кроны цветов
корни остались

ПАМЯТЬ

о виноградарях
с обломанными ногтями
с неутраченной жаждой истины

о девочках
рождавших в тринадцать лет
мудрецов и мужчин
не знавших отчаяния
о смехе
прорастающем в пальцах
матерей и отцов
в узких долинах
между шеолом и богом

холмы обездолены
но богаче людей
получивших долю на плоскости
чуть ниже уровня воздуха

прости мне господи
я ничего не помню.

и мы с тобой любимая
сойдем
на берег той реки где ветер сух
песок горяч и камни дышат жаром
и взглянем на воду
и ужаснемся взгляду
которым глянут наши отраженья
и пылающее небо
все что в нас
тогда еще живого
останется
и все что было в жизни
у нас с тобой живого
будет здесь
срываясь пеплом с губ ложиться в волю
недвижной плотной серой пеленой

опустошая нас

и вместо сердца

проглянет полустертый циферблат
размытый городом и растворенный болью
тупой и долгой

страхами детей

и за детей

и низким потаканьем

безрадостному телу по ночам

и в пустоте меж встречей и прощаньем

повиснет лишккий

паутиный долг

невыносимо нравственных отчетов
перед людьми

чья честь как решето

останется ли что-нибудь тогда

от наших душ

почти сгоревших там

поможет ли нам что-нибудь подняться
к дождю и травам

к запаху жилья

и к холоду январскому

быть может

мальчишки пятилетнего лица

когда впервые

его отец ударил по глазам
и позабыл за что ударил

или

плач девочки

родившейся едва

не получившей ни еды ни ласки

в ту ночь

когда устав от целой жизни

ты прокляла и жизнь и эту ночь

кто кроме сына сможет нас простить
кто кроме дочери к нам будет милосерден
в тот страшный час

на пепельных откосах
где гибнут только те кому при жизни
стыдиться было нечего

кому
и нечего прощать
кто зла не делал
и потому не совершил добра

но мы с тобой любимая
любовь
свою начнем откуда

из какой
пропащей жизни на худом снегу
после локальных зим

из подворотен
вечерней лиговки

когда закат был желт
и тощие американцы
из дома двадцать семь
что у канала

мне вышибли поленом зуб
но я не плакал

или с московских улиц
в гнезде чужих досольств и коммуналок
смесившихся в одно

и беззаконно
тебя родивших в книжную судьбу
без почвы и отца

скажи
откуда
начнем мы штопать рвущуюся жизнь
пока лишь половина нашей тени
легла на гладь невидимой реки

ИЗ ЦИКЛА: вариации на тему: наставление
путнику

сторож стоит у подъезда
и почувствовать он не успел
как пух тополиный
комковатую кашницу заварил во дворах
вскипячая
и лето
кончилось почернев

сторож
входит сквозь дверь,
думать уже не пришлось
о неоконченных строчках об ужине
о том что жена никогда не узнает
о стекле которое так и не вставил.
сторож
в угол садится
молчат
минут через десять
он начал темнеть
как-то нескладно стало внутри
что-то выпало
покатилось по полу
он не нагнулся
воздух вспух загудел
невнятные рыбы
с человеческими лицами всплыли под/аль
хихикая
желтовато скользили
под потолком
лениво виляя хвостами
шипастыми
он оглянулся

ни одной буквы

ни слова

в воздухе в бедрах в крови
только ветер

ни с чем

никаких совпадений

сидел

вернулась жена вымыла пол
ужин поставила
на одного
поела легла на диван
с книжкой о стороже
потом заснула
в абсолютном безветрии

видел слова

которые снились и если бы мог
поразились

их красоте

их одиночеству

в бессолнечный день на старой дороге ветер
даши дождя
древний велосипед работает на последних педалях
одолевая подъем
тишина за спиной перед глазами молчанье
в эту пропасть одинового вечера
шлепают хрипящие щебнем шины
надрываясь
о выкинуть из ушных погремушек
окоченевший свист
электрички в 14.20
астматический вздох дверных резиновых губ
не стоит писать о любви
потому что слова ничего не значат

кроме того что мы знаем о языке
самой искусственной из всех вещей мира
говорим гнев, говорим господи
говорим голод говорим гость,
но что это все на самом-то деле
кто скажет,
смена отрядов крови химический взрыв
перебежка молекул или отход электронов
с орбит в зарание
солнцем вырытые траншеи
есть ощущение себя
мне хорошо мне плохо мне средне
значит мир отражает мир, или рябь или тучу
добьемся зеркальной гладью души
длинная пугающие недели
добьемся слияния с космосом
плотным как ночь
где отсутствует наше дыхание
уничтожим дыхание превратимся в вакуум
в котором все пусто полно равнозначно
но,
подползая к калитке на сломанных колесах
как вытащить из раковин глаз
сомкнутых, прежде и вскрытых
нож последнего взгляда
в тамбуре через плечо
если судя по лжи языка
слово любовь бессмысленно

не хочется говорить бог
отбойные молоточки цикад вгрызаются в сумерки
теплые как твои ладони у меня на глазах
не хочется говорить любовь

газетную рвань клочковатый ветер
пишет по пустым переулкам

не хочется говорить жизнь

окно распахнуто навзничь на восьмом этаже
толпа головами шумит в круг молчит глаза

не хочется говорить смерть

в институте переливания крови обдирают кроликов
каждый день
пробуя на выживание а им никак не привыкнуть

и только раз еще
дай мне господи

испытать любовь
единственной в жизни женщины
чтобы смерть
когда встретимся

привела меня
в ярость

у меня нет твоего портрета
я украл фотографию
из комнаты твоей матери
ты сидишь у старлажа с книгами
проверяя тетради
наклонив голову
и не видишь меня

сегодня жаркая ночь
кучерявкин был пьян
не знаю как он доберется до дома
его жене было страшно,
держалась она

как надо

я долго ехал в метро-

с мишкой юсселем

который сказал

старичок

а ведь правда, неплохо, что все мы пока
можем видеть друг друга

я был собран спокоен трезв

я думал о том что теперь

мне остался до тебя один шаг
еще немного

и ты скажешь

я была женой этого типа

знаете

он был конечно с приветом

жить с ним вместе

было почти невозможно

но иногда

у него получались стихи

правда потом

его не хватало на ночь

и я засыпала одна в жаркой постели

и внутри у меня

росла пустота

и страх

понимала меня утром

в одиночество

и немому

через нашу жизнь

и нашу эру спустя

да одуванчиков и пушистого клевера

даже тогда

когда люди

будут приезжать на отдых в заповедник земля

чтобы читать запрещенные книги

но уже не те

которые так люби-читать

вечно голодный носсель,

даже тогда

три слова.

горьких как-тридцатая сигарета за вечер
останутся от моей жизни

я люблю тебя

oooooooo